

модели РОССИЯ – СИЛЬНЫЙ, САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ И СТАБИЛЬНЫЙ КОНКУРЕНТ.

Вместе с тем позитивному образу России, создаваемому в политическом дискурсе США, мешают метафорические «камни, которые бросают в огород» Российской демократии. В остальном сегодня складывается впечатление, что, во-первых, Россия заняла важное место в журналистском рейтинге тем, и в отличие от времен миллениума, когда информацию приходилось собирать по крупинкам, сейчас о ней в изобилии и в подробностях говорится практически в каждом издании. Во-вторых, в американском политическом дискурсе произошел явный температурный сдвиг в отношении России, ее народа и президента – отчужденность и поучительность сменилась на почтительность и настороженность. В-третьих, все чаще в американском политическом дискурсе встречаются метафоры роста, развития, возрождения и успешности России в мировом контексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Aron L. We'll Always Have Putin // New York Times, Oct. 25, 2007.

Baker P. Which Way Did It Go? // The Washington Post, Dec. 25, 2006 // <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/12/22/AR2006122201179.html>.

Berry L. Putin's party is winning Russia election // Yahoo! News, Dec. 9, 2007.

Borchgrave A. Using cues of the past // The Washington Times, May 10, 2005.

Brockwell I. United Russia and Putin victory – Keeping the world in balance // The American Chronicle, Dec. 13, 2007 // <http://www.americanchronicle.com/articles/viewArticle.asp?articleID=44358>.

Bush J. Russia's Steel Wheels Roll Into America // Business week, Sept. 20, 2007 // <http://businessweek.com>.

Johnson R. F. Who Holds The Royal Scepter? Vladimir Vladimirovich Putin. // The Weekly Standard, Dec. 12, 2007 // <http://www.weeklystandard.com/Content/Public/Articles/000/000/014/468orpxo.asp>.

Hoagland J. Putin's Guessing Games // The Washington Post, Oct. 28, 2007 // <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2007/10/26/AR2007102601866.html>.

Levy C. J. Party's Triumph Raises Question of Putin's Plans // New York Times, Dec. 3, 2007 // <http://mobile.nytimes.com/2007/12/03/world/europe/03russia.xml>.

Madigan C. M. Finding another Russia // Chicago Tribune, Dec. 27, 2006 // http://www.chicagotribune.com/news/columnists/chi-0612260097dec26_0,3895250.column?coll=chi-newsopinioncommentary-hed.

Playing a dangerous game // The Economist, May 11, 2006 // http://www.economist.com/world/europe/displaystory.cfm?story_id=6916041.

Putin's Potemkin election // Yahoo! News, Nov. 27, 2007.

Rahn R. W. Russian bear sets a trap // The Washington Times, Dec. 1, 2006.

Rachman G. Neither friend nor foe, Russia tests the limits of realism // The Financial Times, Dec. 5, 2006 // <http://www.ft.com/cms/s/ecec9710-8404-11db-9e95-000779e2340.html>.

Schmemmann S. A guide to what's happening in Russia // The International Herald Tribune, Dec. 19, 2006 // <http://www.iht.com/articles/2006/12/18/opinion/edserge.php>.

Sciutto J. Pride, Putin and Too Much Police Power // ABC News, Aug. 23, 2007 // <http://abcnews.go.com/WN/story?id=3512308&page=1>.

Sevunts L. Vladimir the Great roiling Russia // THE WASHINGTON TIMES, Nov. 14, 2004.

Schmemmann S. When the Bear Cries Wolf: Trying to Understand Vladimir Putin // New York Times, July 19, 2007 // <http://www.inosmi.ru/translation/235623.html>.

Winik J. Vladimir the Great? // The Washington Post, Sept. 2, 2007 // <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2007/08/31/AR2007083101533.html>.

Young C. Putin's hold on Russia // The Boston Globe, Dec. 13, 2007 // http://www.boston.com/boston-globe/editorial_opinion/oped/articles/2007/12/13/putins_hold_on_russia.

© Красильникова Н.А., 2008

Маслова В.А.

Витебск, Белоруссия

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ЯЗЫКОВЫЕ ИГРЫ ИЛИ ИГРЫ В СЛОВА?

Abstract

Modern politicians excessively use such characteristics of the language as flexibility of the word's semantic structure, the difficulty in delimitating connotations from the central meanings, variations in these meanings and the meanings of one and the same linguistic signs, easy change of objective for subjective and vice versa; emphasizing synonymic and associative relations between words, modality of utterances, evaluative semantics and others. All these are examples of language abuse and not just a language game.

***

Что наша жизнь!

Игра?

Мужчины,

играющие сумасшествие,

и женщины,

сходящие с ума.

(Н. Кожанова «После Гамлета»)

Лингвополитология, или политическая лингвистика – отрасль лингвистики, возникшая на стыке двух самостоятельных наук – лингвистики и политологии – и тесно связанная с другими современными лингвистическими дисциплинами (в особенности – с прагматической лингвистикой, коммуникативной и когнитивной лингвистикой).

Как отмечает А. П. Чудинов, для современной политической лингвистики в полной мере характерны ведущие черты современного языкознания: антропоцентризм (языковая личность

становится точкой отсчета при изучении языковых явлений), экспансионизм (включение в область исследования лингвистики ряда смежных проблем, то есть ее расширение), функционализм (изучение языка в действии, в функционировании), экспланаторность (стремление не только описать языковые факты, но и дать им объяснение) (Чудинов, 2003, с.4).

В середине 90-х годов появился ряд интересных работ в этом направлении (Алтунян, 1993, 1999; Проскуряков, 1999; Шейгал, 2000 и др.). Данные работы как раз и определили развитие политической лингвистики на ближайшее десятилетие.

В 2003 году было опубликовано первое учебное пособие по новой дисциплине на русском языке – книга А. П. Чудинова «Политическая лингвистика». Это первая попытка в учебной литературе обобщить опыт отечественных исследователей политической коммуникации. Для характеристики политической коммуникации автор выделяет следующие антиномии:

- 1) ритуальность и информативность;
- 2) институциональность и личностный характер;
- 3) эзотеричность и общедоступность;
- 4) редукционизм и многоаспектность информации в политическом тексте;
- 5) авторство и анонимность политического текста;
- 6) интертекстуальность и автономность политического текста;
- 7) агрессивность и толерантность в политической коммуникации (Чудинов, 2003, с. 42-56).

Центральным понятием политической лингвистики является политический дискурс, который представляет собой особую разновидность дискурса и имеет своей целью завоевание и удержание политической власти. В лингвистической литературе политический дискурс представлен как многоаспектное и многоплановое явление, как комплекс элементов, образующих единое целое. Политический дискурс – это совокупность «всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» (Баранов, Казакевич, 1991, с. 6). Данное определение представляет широкий подход к содержанию понятия «политический дискурс».

Одним из наиболее заметных исследований политического дискурса последних лет является работа Е. И. Шейгал «Семиотика политического дискурса», с точки зрения которой политический дискурс, как и другие виды дискурса, имеет два измерения: реальное и виртуальное. Под реальным измерением исследователь понимает текущую речевую деятельность в определенном социальном пространстве, а также возникающие в результате данной деятельности речевые произведения (тексты), взятые во взаимодействии лингвистических, пара-

лингвистических и экстралингвистических факторов.

Виртуальное измерение дискурса, по мнению Е. И. Шейгал, – это семиотическое пространство, включающее вербальные и невербальные знаки, совокупным денотатом которых является мир политики, тезаурус высказываний, набор моделей речевых действий и жанров, специфических для общения в данной сфере.

Ю. А. Сорокин определяет политический дискурс через его соотношение с идеологическим дискурсом: «Политический дискурс есть разновидность – видовая – идеологического дискурса. Различие состоит в том, что политический дискурс эксплицитно прагматичен, а идеологический – имплицитно прагматичен... Первый вид дискурса – субдискурс, второй вид дискурса – метадискурс» (Сорокин, 1997, с. 57).

Итак, в лингвистической литературе термин «политический дискурс» употребляется в двух смыслах: узком и широком. В широком смысле он включает такие формы общения, в которых к сфере политики относится хотя бы одна из составляющих: субъект, адресат либо содержание сообщения. В узком смысле политический дискурс – это разновидность дискурса, целью которого является завоевание, сохранение и осуществление политической власти. Мы, принимая широкое понимание дискурса, включаем также в него процесс и результат порождения и восприятия текстов плюс экстралингвистические факторы, влияющие на их порождение и восприятие. Кроме того, мы полагаем, что термин "дискурс" в современной лингвистике используется для обозначения разных видов речи и речевых произведений, осмысление которых должно строиться с учетом всей совокупности языковых и неязыковых факторов.

В последние годы исследования политического дискурса довольно активно проводятся и в Республике Беларусь. Здесь следует прежде всего отметить серию коллективных монографий «Методология исследований политического дискурса» (в настоящее время опубликовано несколько выпусков) под редакцией И. Ф. Ухвановой-Шмыговой.

Краткий обзор литературы по проблеме позволяет нам сделать следующие выводы: Общепринятого определения политического дискурса на сегодняшний день не существует, однако, мы можем его рассматривать как вербальную коммуникацию в определенном социально-психологическом контексте, в которой отправитель и получатель наделяются определенными социальными ролями согласно их участию в политической жизни, которая и является предметом коммуникации. Политический дискурс как вид институционального общения располагает системой конститутивных признаков и наделяется рядом функций.

Предназначение политического дискурса – не просто «описать (то есть, не референция), а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию» (Демьянков В. З. [WWW-документ]: <http://www.infolex.ru>). Поэтому эффективность политического дискурса следует определять относительно этой цели.

Политическая власть в значительной степени осуществляется посредством языка, который помогает политику войти в личностную сферу реципиента как с помощью простых приемов (частое употребление местоимения «мы» (вместо «я»), выбор языка (в условиях билингвизма), так и более сложных приемов манипуляции (языковая игра и др.). Под манипуляцией мы понимаем процесс навязывания населению взглядов, мнений, способов действий, которые адресант может считать заведомо ложными, но выгодными для себя; это связано с использованием специальных приемов, направленных на понижение критического мышления со стороны реципиентов. Причем власть языка используется в любых обществах. Так, в условиях диктатуры язык является даже более необходимым средством тотального контроля над обществом, чем, например, спецслужбы. При сильном демократическом обществе умелое использование языка активно формирует нужное власти общественное мнение, т.е. также является важным средством завоевания и удержания власти.

При исследовании функционирования языка в политическом дискурсе с неизбежностью встают две проблемы – *язык власти* и *власть языка*. Различаются они, как нам кажется, следующим: *язык власти* – это то, как говорит, какими языковыми средствами и приемами пользуется нынешняя власть, и это предмет исследования «чистой» лингвистики. А *власть языка* – то, как воздействуют на массовое сознание эти языковые средства и приемы – должна исследоваться политической лингвистикой.

Речь политика должна уметь затронуть нужную струну в массовом сознании, его высказывания должны укладываться во «вселенную» мнений и оценок (то есть, во все множество внутренних миров) его адресатов, «потребителей» политического дискурса. Поэтому умелый политик оперирует символами, архетипами и ритуалами, созвучными массовому сознанию. Характерной особенностью русских политических речей является широкое употребление метафор, которые построены, преимущественно на военной и «больничной» лексике: *битва за избирателя, информационная война, атака на демократию, дипломатические битвы; шоковая терапия, общество находится на пути к выздоровлению, правительственный кризис*.

Речь политика не всегда аргументирована и логически связна, и это неслучайно. Иногда достаточно просто дать понять, что позиция, в

пользу которой выступает говорящий, лежит в интересах адресата. Защищая эти интересы, можно еще воздействовать на эмоции, играть на чувстве долга, на других моральных установках. Еще более хитрый ход – умелое использовании едва заметно соприкасающихся понятий в когнитивной сфере человека. Это и дает неожиданный эффект: совершаются незаметные переходы от одних убеждений к другим, иногда вопреки ожиданиям самого говорящего.

Успех внушения во многом зависит, от качеств личности того, к кому обращена речь, например, от степени его доверчивости (так, существует патологическая доверчивость на одном полюсе и патологическая подозрительность на другом). Изменить установки адресата в нужную сторону можно, в частности, манипулируя ее композицией, например, поместив защищаемое положение в нужное место дискурса.

Власть языка противоречива. С одной стороны, она, казалось бы, должна быть очевидна любому мыслящему человеку. Ни для кого не секрет, что споры, которые разворачиваются в политике по поводу слов, иногда бывают не менее острыми, чем споры по поводу дел. Ср. недавнюю борьбу российских политиков со словом «доллар». Еще один пример: освещение в СМИ военных действий в Чечне. В дискурсе ряда СМИ те, кто называл воюющих с федеральными силами чеченцев не *террористами* или *сепаратистами*, а *повстанцами*, а сами военные действия не *контртеррористической операцией*, а *войной*, представлялись «чужими», которые были немногим лучше террористов.

Но с другой стороны, для того, чтобы политики могли влиять на общество посредством языка, большинство населения не должно осознавать роль языка в полной мере. При этом даже сами политики не всегда признают главнейшую роль языка в политическом дискурсе. Некоторые из них это делают намеренно, а большинство просто не осознает власть языка, а считает язык всего лишь колебаниями воздуха, репрезентацией реальности, в то время как сам язык являет собой реальность.

Рассмотрим лишь один момент манипуляции – языковую игру. Языковая игра понимается нами как генератор смысла. Феномен игры (игровой культуры), в том числе языковой, как нам кажется, недостаточно обсуждался в научной литературе, хотя есть прекрасные работы Й. Хёйзинги, Х. Ортеги-и-Гассета, Г. Гессе, где авторы отстаивают мнение о том, что игра лежит в основе возникновения культуры, предшествует культуре и творит ее. Мы находимся в мире жесткой игры. Вероятно, наша психика защищает себя от излишней логичности и стабильности, потому что устает от монотонности, поэтому необходимы элементы языковой игры.

Казалось бы, сущность игры – получение удовольствия и наслаждения (Хейзинга 1992). Психологи считают, что игра является прообразом труда, это – первичная деятельность человека, создавшая его самого. Ю. М. Лотман видел в игре «один из основных признаков жизни» (Лотман, 1996, с. 729). Игра – деятельность. Игра – преступление. Игра – модель социального мира и универсума (Лотман, 1992, с. 391). Жизнь – игра рока, «игра огня и рока» (А. Блок). Политика, как и поэзия, относится к регистру вымысла и игры, ибо в ней присутствуют признаки ирреальности.

Рассмотрим элементы языковой игры на примере игры словами. В какие слова играют политики? Мы не ставим своей целью их исчисление, рассмотрим лишь принципы и способы их использования.

Прежде всего, это *страна и государство, народ и население, народ и электорат, народная воля* и под.

Если мы употребляем слово «народ» в его основном значении – «население государства, жители страны», а именно этого следовало бы ожидать от политиков общенационального масштаба, чьи решения влияют на жизнь всего населения, и – мы автоматически подразумеваем миллионы людей, которые принадлежат к самым различным социальным группам и могут иметь самые различные взгляды и интересы. Но именно этот факт часто игнорируется в политическом дискурсе. Народ как «супер-эго» не может, с их точки зрения, иметь разные взгляды, мнения, ценности. Народом, с точки зрения политика, имеют право называться только те, кто поддерживает руководителя страны, их лично и партию власти; в этой связи любая критика правящего режима (из-за границы либо внутри страны) подается как неуважение к народу. Явные или мнимые противники власти, имеющие точку зрения, отличную от официальной, – это «чужие», а в определенные периоды – «враги народа», а не его полноправные представители, как это должно было бы следовать из словарной дефиниции слова «народ». Следовательно, политики в угоду собственным интересам меняют значение многих единиц языка и прежде всего лексических.

Итак, языковая игра может строиться на изменении семантики слова: *народ и население, народ и электорат*. В каждой из двух пар слов *народ* меняет свое значение, приобретая дополнительные смыслы: положительные коннотации в первом случае – «сознательная часть населения» и «способный не только голосовать, но и думать, выбирать сознательно» – во втором. Например, *Станем ли мы, наконец, народом, или же по-прежнему будем оставаться населением и электоратом?* (В. Костиков, АиФ, №5, 2008).

Страна и государство в обыденном языке чаще всего используются как синонимы. Но в

речи политиков *государство* приобретает то положительные, то отрицательные коннотации: *Мы за сильное государство* (лозунг) – положительная коннотация и отрицательная: *Скажу вам истину одну, / Хоть сил она и не придаст вам: / Любую чудную страну / Испортить можно государством* (А. Михневич).

Часто в жизни меняется отношение к объекту, обозначаемому словом, тогда политики всячески изоцряются, чтобы соответственно изменить и значение слова. Например, известно, что выборы в СССР вовсе не предусматривали возможности реального выбора для избирателей, т.е. как таковыми выборами не являлись. Когда у людей появилась возможность реально выбирать власть, к этому слову был добавлен эпитет «*альтернативные*», и это не выглядело тавтологией, так как акцентировало внимание на «возможность действительного выбора между двумя или несколькими кандидатами».

Для сферы политики характерно выхолащивание из слова основного значения и усиление связанных с ним коннотаций, как правило, положительных. Воздействие на значение слова может осуществляться путем воздействия на его внешнюю форму. Это происходит при различных видах сокращения слов, аббревиациях: *Тимошенко продержалась бы в премьерском кресле еще месяц-полтора, если б не события вокруг НЗФ* (Никольский завод ферросплавов) – АиФ, № 37, 2005 г.

2. Манипулирование номинациями. В отличие от предыдущей группы способов, оно состоит не в воздействии на значение слова, а в выборе слова для наименования объекта, которое обеспечит сдвиг объекта по оси модальности в нужную говорящему сторону:

Но то правительство пришло к власти, опираясь на националистические структуры, сейчас же настолько очевиден печальный результат бездумной экономической политики украинского руководства, что вопрос о его судьбе, можно сказать, уже решен (АиФ, № 15, 2006).

В этом примере негативная оценочная коннотация создается с помощью прилагательных «*националистический, печальный, бездумный*», эксплицитно отражающих оценку субъекта.

По большому счету, побудить говорящего использовать такую номинацию могут две причины: а) необходимость представить объект, к которому аудитория относится положительно или нейтрально, как отрицательный или нейтральный, то есть переместить его по оси модальности вправо. Для создания отрицательного образа объекта используются слова, обладающие устойчивым отрицательным оценочным компонентом, в том числе ярлыки; б) необходимость представить объект, к которому аудитория может относиться отрицательно или нейтрально как положительный или ней-

тральный, то есть переместить объект по оси модальности влево. Для этой цели используются, соответственно, слова с нейтральной или положительной коннотацией.

Анализ языкового материала показывает, что на современном этапе на политический язык оказывают большое влияние экстралингвистические факторы, в особенности изменение мировой политической системы. Сейчас довольно широко используется пейоративная лексика, нежели более мягкая лексика с негативными коннотациями. Примером могут служить не только отдельные слова и фразеологизмы типа *мочить в сортире* или *отребье, холуй* (из уст политиков), но множество высказываний. Так, Фрадков дал своим министрам полезный совет: «*Надо отсортировать то, что плавает...*»; вот еще примеры из АиФ: *У нас, какой букве закона следуют, на ту его и посылают*.

Слов с негативными коннотациями также становится значительно больше, что позволяет сделать следующий вывод: доминирование социально-политической лексики с негативным коннотационным ореолом – опасный лингвистический синдром, свидетельствующий о серьезных деформациях в социальной и нравственной жизни народа. Ср. в этой связи наблюдения Э. Фромма о том, что язык позднего Маркса стал менее эмоционален, агрессивен, ибо изменилось в лучшую сторону немецкое общество (Фромм, 1992, с. 412).

Изменить коннотацию и модальность того или иного слова помогают эвфемизмы – слова, не имеющие ярко выраженного оценочного компонента: *Волны дешевой патетики и навязчивого патриотизма продолжают хлестать из партийный бачков...* (АиФ).

Часто слова, используемые политиками, совпадают в области денотатов, но различаются по коннотации: *сепаратистами* и *освободители*, *контртеррористическая операция* и *война*. М. Н. Эпштейн называет их *прагмемами*, находящимися между собой в отношении предметной синонимии. Еще пример: военные действия одной страны против другой, следствием которых становится смена власти, в зависимости можно назвать и *освобождение*, и *вторжение*, и *оккупация*, и *агрессия*, в зависимости от отношения к этому событию, т.е. от того, какая из воюющих сторон входит в «свой мир» для говорящего.

При этом создаются различия не только в области коннотации, но и в области основного значения, причем эти отличия часто выходят на первый план, соответственно, коннотативные смыслы затушевываются. Так, в зависимости от того, называем ли мы, например, Россию или Беларусь демократическими или тоталитарными государствами, адресат, плохо осведомленный о политической жизни в данных странах, получает прямо противоположные представле-

ния об этих странах, ибо за данными понятиями стоят прямо противоположные характеристики всех сторон общественной жизни.

Политик, манипулируя словами, может доказать, что «черное – это хорошо замаскированное белое, т.е. строит свое доказательство по формуле «X – это Y»:

У них (КПРФ) была масса времени доказать свою дееспособность, они во времени существуют столько же, сколько Баба-Яга (Д. Рогозин).

Таким образом, лексическое манипулирование активно проявляет себя в политическом дискурсе либо через изменение значений слов, либо через выбор определенных слов для обозначения объектов. Такие характеристики языка, как подвижность семантической структуры слова, трудность отграничения коннотаций от основных значений, вариативность этих значений и значений одних и тех же языковых знаков, свободная замена объективного субъективным и, наоборот; акцентирование синонимических и ассоциативных связей слов, модальность высказываний, оценочность семантики и др., преднамеренно и целенаправленно используются политиками. Всё это может стать в речи политиков демагогическими злоупотреблениями. Можно ли это назвать языковой игрой? Скорее всего это игры в слова, ибо слишком уж серьезен их результат.

ЛИТЕРАТУРА:

- Алтунян А. Власть и общество. Спор литератора и министра: опыт анализа политического текста // Вопросы литературы. – 1993. – № 1. – С. 173-214.
- Алтунян А. Г. От Булгарина до Жириновского. Идейно стилистический анализ политических текстов. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. – 263 с.
- Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание, 1991. – 64 с.
- Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб., 1996.
- Лотман Ю. М. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Избранные статьи в трех томах. Т. 2. Таллинн, 1992.
- Проскуряков М. Р. Дискурс борьбы: Очерк языка выборов // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1999. – № 1. – С. 34-49.
- «Свои» и «чужие» в российском политическом дискурсе. Сб. научн. трудов. СПб., 2001.
- Сорокин Ю. А. Политический дискурс: попытка истолкования понятия // Политический дискурс в России. М., 1997.
- Фромм Э. Душа человека. М., 1992.
- Хейзинга Й. Человек играющий. М., 1992.
- Чудинов А. П. Политическая лингвистика / Общие проблемы, метафора. Учеб. пособие. Екатеринбург, 2003. – 194 с.
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Волгоград, 2000.
- Эпштейн М. Н. Идеология и язык // Вопросы языкознания. – 1991. – № 6. – С. 19-33.
- © Маслова В.А., 2008